

ПСИХОЛОГИЯ О СВЯЗИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ И КУЛЬТУРЫ: ОТ ФАКТОРОВ КУЛЬТУРЫ К КУЛЬТУРНОМУ КОНТЕКСТУ

Сорока Юлия Георгиевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Стаття присвячена узагальненню психологічного підходу до аналізу культурних факторів соціального сприйняття. Маючи за мету розвиток соціокультурної концепції соціального сприйняття, автор розглядає культурні фактори перцептивної діяльності, понятійного мислення та перцептивного стилю, кросскультурні різниці перцептивної спроможності, складні перцептивні реакції та перцепції облич, соціальне пізнання та сприйняття поведінки інших людей у відповідності до індивідуалістського чи колективістського культурного контексту.

The article object is to generalize psychological data about cultural factors of social perception. Cultural factors of perception activity, conceptual mind and perceptive stile, cross-cultural differences of perceptive abilities, compound perceptive reaction and perception of faces, social cognition and perception of other people behavior according to individualism and collectivism as cultural contexts are analyzing in order to develop sociocultural conception of social perception.

Ключевые слова: социальное восприятие, кросскультурная психология, социокультурный подход.

Социокультурный подход к анализу социального восприятия предполагает интегрированное видение социальных и культурных аспектов этого феномена. Акцентируя неразрывное единство, взаимосвязь и взаимозависимость социального и культурного, социокультурный подход позволяет «разъять» эту целостность в сугубо аналитических целях, что было предпринято в предыдущих работах автора [1,2]. Как и социальные свойства восприятия, культурная его природа первоначально исследовалась в рамках психологии. Теоретические и методологические основания для исследования влияния культуры на восприятие разрабатывались в рамках психологической науки с начала прошлого века. Эти материалы содержат подходы, концепции и обобщения, важные и полезные для формирования социологического видения социального восприятия. Анализ этих данных о культурных факторах перцептивной деятельности, понятийного мышления и перцептивного стиля, кросскультурных различиях перцептивных способностей, сложных перцептивных реакций и восприятия лиц, социального познания и восприятия поведения других людей в индивидуалистском или коллективистском культурных контекстах и составляет цель настоящей работы.

Поскольку психология¹ трактует восприятие, прежде всего, как переработку информации сенсорного происхождения, вопрос о роли культуры в восприятии разворачивается здесь в проблематике межкультурных различий перцептивной деятельности. Для психологии, построенной на экспериментальном получении эмпирических данных, такой акцент имел существенное значение. Именно проблемное поле межкультурных различий перцептивной деятельности давало возможность выяснить, являются ли категории восприятия врожденными либо приобретенными посредством опыта. Кроме того, межкультурные сравнения сенсорных процессов должны были разрешить вопрос об умственных способностях «первобытных народов». Имеется в виду широко известная гипотеза Г. Спенсера о том, что высокое развитие чувств и наблюдательности у первобытных людей происходит за счет развития высших умственных способностей. «Если слишком много энергии, - писал У. Риверс в 1901г., - растрачивается на сенсорную основу, то вполне естественно, что от этого страдает интеллектуальная надстройка» [3, с.83].

С другой стороны, наблюдения за спонтанными реакциями людей в разных частях света подталкивали исследователей к мысли о взаимосвязи восприятия и особенностей природно-географической среды обитания. Психологические эксперименты по исследованию межкультурных различий перцептивной деятельности шли в направлении проверки гипотез, возникших из таких случайных наблюдений, о чем пишут М. Коул и С. Скрибнер: «Тернбулл в своем этнографическом исследовании пигмеев, живущих в лесах Итурби, приводит следующий случай. Вместе с одним пигмеем он выходил из леса. Вдалеке виднелись пасущиеся коровы. Пигмей раньше видел коров, но ему никогда не случалось видеть их издали, и теперь он считал, что это муравьи!» И далее: «Нам пришлось наблюдать аналогичную сцену, когда мы приехали в столицу Либерии Монровию с ребенком кпелле десяти лет, выросшем в джунглях. Из высокой гостиницы на горе можно было видеть большие танкеры

¹ Представленные ниже обобщения основных идей, понятий и данных психологической науки по проблеме культурных факторов восприятия сделаны на основе следующих работ [3,4,5].

далеко в море. Ребенок, никогда не выдавший до этого ни подобной дали, ни танкеров, выразил восхищение смелостью людей, которые в таких маленьких лодках выходят в море» [3, с.123].

Однако экспериментальное подтверждение предположений о культурных факторах *перцептивного поведения* потребовало значительного числа исследований и поставило ряд сложных задач. Так, культурные факторы были сопоставлены с влиянием перцептивного опыта и навыков, уровня образования и практики обучения, природно-географической среды обитания и сформированного ею опыта, а также физиологических особенностей организма. Иными словами, была определена структура факторов перцептивного поведения, одним из элементов которой является культура. Поскольку в качестве базы сравнения в экспериментах психологов в большинстве случаев выступала европейская культура, по пути уточнялись и переосмысливались представления о свойственных ей требованиях к перцептивным навыкам. Это касается, например, условностей изображения трехмерных объектов на плоскости, которые усваиваются в начальных классах школы европейского образца.

В структуре факторов перцептивного поведения – среда, культура, организм (экологические, культурные и физиологические факторы) – были обозначены важные связи. В частности, было доказано, что факторы среды и социокультурные факторы действуют в одном направлении. Культура посредством опыта и научения позволяет людям вырабатывать и сохранять те перцептивные навыки, которых требует от них среда.

Расширение перечня сравниваемых неевропейских групп позволило психологам исключить фактор расы в перцептивном поведении. В конечном итоге удалось расшатать представление о «первобытных народах» как о людях с общими, отличающими их от европейцев, способностями. Так, например, в экспериментах Дж. Берри (60-70 гг. XX в.) канадские эскимосы оказались более близки по перцептивному стилю² к контрольной группе шотландцев, чем к темне (Сьерра-Леоне) [3, с.108]. Образование как фактор перцептивного поведения было дополнено представлениями о роли социализации, ее характера и условий, например, строгости в отношении к детям, требований конформизма среди взрослых.

Исследования смежной к тематике перцептивного поведения проблематики *понятийного мышления* в контексте его культурной обусловленности акцентировали другое базовое допущение. А именно – гипотезу о преобладании конкретного контекстуального мышления у людей в непромышленных обществах. Контекстуальное мышление является начальной фазой развития мышления, в ходе которого ребенок переходит от перцептивных свойств отождествляемых (одинаковых) предметов – цвета и формы – к их функциональным качествам [3, с.126].

Эксперименты показали, что все исследовавшиеся культурные группы способны к абстрактному мышлению, но классификация может иметь как семантическую (с помощью категорий), так и несемантическую основу. Возрастные различия в способностях к классификации наблюдаются как у европейских, так и у неевропейских народов. Вместе с тем, школьное образование и грамотность существенно влияют на навыки классификации, а вместе с ними и на навыки вербализации, то есть на способности объяснить реализованное правило классификации. Получению этих выводов предшествовало переосмысление условий эксперимента, формы и содержания стимульного материала. Так, от изображений геометрических фигур исследователи перешли к фигуркам реальных объектов, знакомым предметам. Как свидетельствуют проведенные в Либерии эксперименты Ирвина и Маклафлина (1970), «взрослые неграмотные манго³ хуже, чем школьники находили более одной основы классификации карточек. Но чашки с рисом они классифицировали примерно так же хорошо, как школьники классифицировали карточки» [3, с.146].

Таким образом, психологические эксперименты показали ограниченность перенесения оппозиций «конкретное мышление – абстрактное мышление», «ребенок – взрослый», «глобальный перцептивный стиль – артикулированный перцептивный стиль» на исследования различий первобытного и цивилизованного общества, традиционных и промышленных обществ.

Постепенное осознание евроцентризма, то есть принятия европейской культуры в качестве «точки отсчета», образца и нормы перцептивных и понятийных процессов, как ограничения в развитии знаний о культурных аспектах восприятия и поведения человека способствовало переосмыслению задач психологической науки и возникновению ее новых направлений. Так, в рамках кросс-культурной психологии в 70-80-ых годах XX века задача психологических исследований была сформулирована как *изучение сходств и различий* в индивидуальном психологическом функционировании людей в различных культурных и этнокультурных группах [4, с.15].

Такая постановка вопроса подталкивает к переосмыслению идеи единства человеческого рода, сформулированной И. Гердером и ставшей одной из главных предпосылок наук о культуре. В рамках кросс-культурной психологии предложены три подхода к пониманию влияния культуры на

² Перцептивный стиль – это демонстрируемая зависимость или независимость восприятия от поля.

³ Манго – народность в Либерии, крестьяне-рисоводы.

психологические различия: абсолютизм, релятивизм и универсализм. Их обсуждение имеет значение и для социологии, активно включающей культурные различия в перечень исследуемых факторов социального поведения, например в исследовании этнических групп, разнообразных субкультур и т.д. Интересным также представляется вопрос о том, к какой из предложенных психологами методологических ориентаций близок социокультурный подход, рассматривающий социальное и культурное в неразрывном единстве.

С точки зрения *абсолютизма*, культура не играет значительной роли в проявлении человеческих характеристик: ««честность» - это «честность», а «депрессия» - это «депрессия», независимо от того, где их изучают» [4, с.17]. Этот подход, в наибольшей степени унаследовавший принципы евроцентризма, концентрируется на разработке стандартных инструментов оценки результатов измерений. *Релятивизм* представляет противоположную точку зрения и утверждает, что основанием человеческого поведения являются культурные образцы (паттерны): людей следует понимать на основании их собственных представлений. Оценка психологических феноменов здесь происходит с использованием значений и ценностей данной культуры, однако сравнения в рамках такого подхода оказываются концептуально и методологически проблематичными. *Универсализм* представляет нечто среднее между полюсами абсолютизма и релятивизма. С этой точки зрения, существуют базовые психологические характеристики, общие для всех людей, но культура по-разному влияет на их проявление и развитие. Такой подход позволяет использовать оценочные процедуры, но критерии этих оценок зависят от конкретной культуры, а свойственные ей значения учитываются при интерпретации сходств и различий. Принцип универсализма представляется в кросс-культурной психологии возможным компромиссом между интересом к культурным различиям в поведении (в том числе и восприятии) и общенаучным требованием сравнимости результатов экспериментов.

Важным методологическим акцентом кросс-культурных исследований восприятия является также учет и преодоление *этноцентрических элементов* современной психологии. Понятие этноцентризма было введено Самнером в самом начале XX века и обозначает склонность оценивать собственную группу в качестве образца, стандарта, «вершины иерархии» при рассмотрении других групп. Некоторые авторы считают этноцентризм универсальной особенностью взаимоотношения культурных групп [4, с.21]. Однако недопустимость этноцентричных оценок и абсолютных суждений при постановке эксперимента и интерпретации его результатов в кросс-культурной психологии признана повсеместно. В современной психологии они связаны с особенностями индустриального и урбанистического общества, в котором развивалась социальная наука.

Одним из путей преодоления этноцентризма является развитие индигенных – не-западных – психологий, основанных на не-западных традициях осмысления человеческого существования, например, не-западных психологий африканской, японской, индийской личности. Такой подход открывает возможность для исследования феноменов восприятия, не свойственных и незнакомых западной культуре. Значения и ценности конкретной культуры в индигенных теориях личности выступают в качестве элементов мировоззрения индивида, где отношения отдельных элементов основаны на символизме. Особое внимание привлекают в этом ключе символы, репрезентирующие связи отдельного человека и общины, семьи, предков, как, например, «амаэ» (ah-maheh) – форма пассивной любви и зависимости в трактовке японской личности [4, с.121-125].

Как показывают исследования, не все перцептивные переменные (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус) имеют кросс-культурные различия, и только часть из них обусловлены культурными факторами – условиями социализации и практиками инкультурации. Различия на уровне перцептивных функций (чувствительность, реакции на простые стимулы) в большей степени обусловлены влиянием физических условий (как, например, острота слуха в диапазоне высоких частот у бушменов Калахари), факторов окружающей среды (в том числе дефицит питания), генетическими чертами популяций (например, красно-зеленая слепота чаще встречается в европейских культурах). Распространенные убеждения о преобладании слуховой чувствительности у африканцев, а зрительной – у европейцев, представленные также Г. Маршалом Маклюэном в его концепции доминирования визуальной модальности в европейской культуре, не получили убедительных теоретических объяснений [4, с.225].

В исследованиях более сложных перцептивных реакций – восприятия узоров и изображений – было доказано влияние на восприятия культурных символов и кодов, присутствующих в любых изображениях, а также навыков их интерпретации. Например, африканцы в экспериментах Уинтера не интерпретировали рисунок человека с протянутой рукой как акт дарения. Дело в том, что в соответствии с их обычаем дар принимается сложенной лодочкой двумя руками [4, с.227]. Одним из условных кодов, свойственных западной культуре, является сигналы передачи глубины (градиент структуры и линейная перспектива). Их исследование позволило Дереговскому обосновать концепцию восприятия рисунков как набора навыков. В этом случае влияние культуры на восприятие конкретизируется в факторах научения, в том числе опыта школьного образования [4, с.238].

Кросс-культурные различия восприятия касаются также узнавания лиц представителей других этнических групп. Это явление было обнаружено в 70-ых годах XXв. в США и было названо кросс-этническим (кросс-расовым) эффектом или «предубеждением собственной расы». Представители различных культур склонны считать людей другой этнической группы (или расы) более похожими друг на друга. И хотя интуитивно такие результаты можно связать со стереотипами или предубеждениями по отношению к другим группам, экспериментально доказана «гипотеза контакта». Чем чаще контакты и представителями других этнических групп, тем чаще наблюдается правильное узнавание лиц [4, с.240].

Еще одним аспектом психологических исследований культурных различий восприятия является тематика *социального познания*. Здесь восприятие понимается не в узком смысле как перцепция, но как интерпретация людьми своего социального окружения. Такой взгляд представляется более близким социологическому подходу к проблематике социального восприятия не только тематически, но и методологически. Так, в рамках кросс-культурной психологии вводится понятие социокультурного познания людьми своего социального мира, которое часто используется как синоним восприятия [4, с.87].

Культурные различия восприятия в рамках тематики социального познания исследуются на материале процесса атрибуции, то есть объяснения людьми причин своего поведения и поведения других людей. Выделяют два типа атрибуции: диспозиционный, объяснение действий другого человека его внутренними качествами, и ситуационный, при котором действия интерпретируются как следствие внешних по отношению к человеку обстоятельств, контекста, ситуации. Люди европейской культуры предпочитают диспозиционную атрибуцию в восприятии других («фундаментальная ошибка атрибуции»), что не обнаружено при исследовании некоторых культур Азии и индейцев северной Америки.

Не является культурной универсалией и обнаруженная в европейской культуре «конечная ошибка атрибуции». Она состоит в предрасположенности к диспозиционной атрибуции при восприятии отрицательного поведения не-членов группы и ситуационной - при восприятии аналогичного поведения членов группы. Так, в исследовании восприятия действий массового убийцы американскими и китайскими испытуемыми было обнаружено, что «китайцы представляют поведение как ситуативно обусловленное, а американцы - как вызванное предрасположенностями... Китайцы предполагали, что человек предпочел бы менее кровавый образ действий в других условиях, тогда как американцы утверждали, что склонность человека к убийству непременно проявила бы себя независимо от ситуации» [4, с.88].

Кросс-культурные исследования показали, что оба типа атрибуции присутствуют как в европейской, так и в африканской, азиатской и других культурах. Однако использование и развитие того или иного способа восприятия продиктовано особенностями культурного контекста. Наиболее значимыми и признанными (хотя и широко дискутируемыми) способами характеристики культурного контекста являются конструкты *индивидуализма* и *коллективизма* [5, с.74].

В результате межстрановых сравнительных психологических исследований Хофстеде установил, что коллективизм противоположен индивидуализму, а их оппозиция представляет один из четырех факторов ценностных различий (коллективизм-индивидуализм, дистанция по отношению к власти, маскулинность-феминность, избегание неопределенности). Эти конструкты активно используются в кросс-культурной психологии для описания и анализа различий культурного контекста.

Коллективистские культуры акцентируют взаимозависимость человека и определенных коллективов (семьи, племени, нации); индивидуалистические культуры подчеркивают, что люди не зависят от своих групп. Эти конструкты позволяют понять культуру поведения как систему общепринятых значений, определяющих восприятие. Так, восприятие носителя индивидуалистической культуры ориентировано на такие значения, как: независимость «Я», главенство личных целей деятельности, низкая значимость установок и норм социального поведения, ориентация на обмен. Восприятие носителя коллективистской культуры ориентировано на зависимость «Я» от группы, главенство внутригрупповых целей, нормы социального поведения, общественные отношения [5, с.75].

Одним из признаков зависимости социального восприятия от ситуации, а также и коллективистской установки является реакция на когнитивную несогласованность. Например, «вегетарианец, который ест мясо» - категория, вполне приемлемая с точки зрения индийца, но невозможная с точки зрения американца. «Я вегетарианец, но когда другие едят мясо, я тоже ем мясо», - продолжает Г. Триандис слова своего индийского друга [5, с.76]. Носитель коллективистской культуры, выделяя ситуацию как детерминанту поведения, способен к терпимости в отношении коллективной установки.

Отличия обозначенных типов культур реализуются не только на уровне установок и ориентаций, но и в значениях, которые приписываются объектам и явлениям. Это касается, например, тех культурных категорий, посредством которых определяется «своя» группа. Для носителя коллективистской культуры члены группы – это люди, имеющие отношения к его благополучию; для «индивидуалиста» - это люди, близкие ему по убеждениям, установкам, ценностям.

Преобладание в культуре коллективистской ориентации не означает ее тождества с другими коллективистскими культурами: каждая индивидуалистская или коллективистская культура обладает уникальными чертами. Как показал Триандис, корейский коллективизм и коллективизм в израильском кибуце существенно разнятся. Внутригрупповой спор будет по-разному оценен в коллективистских культурах Восточной Азии и Средиземноморья (как нежелательный в первом случае и приемлемый – во втором) [5, с.75].

Восприятие носителя индивидуалистической или коллективистской культуры зависит также от того, как представлена в ней структура общества: вертикально или горизонтально. Культуры горизонтального типа подчеркивают равенство; культуры вертикального типа делают акцент на иерархии. Так, социальное восприятие человека в горизонтальной индивидуалистической культуре опосредовано значениями «все люди равны», при этом «каждый из них уникален». Вертикальный индивидуализм включает категории восприятия «обособленный», «лучший», «иной». Горизонтальный коллективизм не предполагает в качестве категорий восприятия понятия статуса, а также четких границ «Я» и коллектива. В отличие от остальных вертикальный коллективизм акцентирует понятия авторитета и жертвы личности ради группы. Кросс-культурные исследования позволяют обозначить доминантный способ восприятия, характерный для различных обществ: Швейцария – горизонтальный индивидуализм, США – вертикальный индивидуализм, израильский кибуц – горизонтальный коллективизм, индийская деревня – вертикальный коллективизм [5, с.79].

Важным отличием социального восприятия в индивидуалистской и коллективистской культурах является отношение к «посторонним», не-членам группы. В индивидуалистических культурах схемы восприятия и поведения по отношению к членам группы и «посторонним» не отличаются. В то же время коллективистские культуры поощряют различие в восприятии «своих» и «посторонних», опосредуя собственными нормами и ценностями, внутренними критериями «человечности» отношения «Я» и Другого.

Однако принадлежность (например, по рождению) к обществу коллективистской или индивидуалистской культуры не означает окончательной определенности в характере социального восприятия индивида. И хотя современное общество часто связывают с распространением индивидуалистических ориентаций, «современность» не означает господства или преобладания индивидуалистической культуры. Большая часть населения земли продолжает жить в коллективистских культурах. Вместе с тем, каждая из моделей социального восприятия, сформированных совмещением конструкторов индивидуализма/коллективизма и иерархии/равенства, для современного человека является возможным вариантом восприятия и действия в конкретной ситуации взаимодействия. Но даже в ситуации преобладания индивидуалистической или коллективистской культурной ориентации возможны противоположные доминирующим проявления. Как показывают исследования Верма и Триандиса (1988), в Германии люди выбирают коллективистское восприятие в 37% случаев, а в Гонконге – индивидуалистическое в 45% случаев [5, с.81]. В спокойном уединении люди чаще склонны к индивидуалистическим реакциям, а в ситуации, когда их группе угрожает опасность, к коллективистским.

Переходя к оценке значимости психологических данных, идей и концепций связи культуры и восприятия для анализа социального восприятия в рамках социокультурного подхода в социологии, отметим следующее.

Культура влияет на восприятие человеком окружающего мира, точнее, культурные различия имеют существенное значение при объяснении различий восприятия.

«Действуя в одном направлении» с факторами природно-географической среды обитания, традиционная культура сохраняет, развивает и совершенствует жизненно необходимые для индивида и группы перцептивные способности, связывая их таким образом с уникальными особенностями окружающей среды.

Различия в восприятии внутри культурного сообщества связаны с характером семейной социализации, опытом школьного образования, грамотностью индивидов. Существенное воздействие на перцептивные способности оказывает и образ жизни сообщества: традиционный, сельский или урбанизированный. Иными словами, условия социализации и практики инкультурации также являются факторами различий восприятия.

Не существует характерных особенностей, которые бы разделяли европейскую культуру, с одной стороны, и все неевропейские или «традиционные» культуры, с другой. Вместе с тем, не все перцептивные переменные имеют кросс-культурные различия: значительная их часть обусловлена не культурой, а факторами физических условий, окружающей среды, генетическими чертами популяции.

Сложные перцептивные реакции актуализируют семиотический аспект культурных факторов – значения, символы и коды культуры, объективируемые в поведении. Восприятие людьми себя и других в социальном мире (собственно социальное восприятие) «организовывается» культурой как общепринятой системой значений.

Диспозиционная и ситуационная атрибуции социального восприятия присутствуют во всех исследованных культурах, а их использование в практике взаимодействия обусловлено характером культурного контекста – преимущественно индивидуалистского или коллективистского. Ориентация на равенство или на иерархию делит каждый из типов культурного контекста в зависимости от того, представлена ли в нем социальная структура горизонтально или вертикально. Для современного человека, вместе с тем, поддержанные культурным контекстом способы восприятия оказываются набором возможностей, реализуемых в различных условиях.

Культурные особенности восприятия характеризуют не только испытуемых, но и экспериментаторов: рассмотренные выше исследования позволили сделать важные выводы относительно европейской культуры. Такие ее смысловые приоритеты, как оппозиции «индивид – группа» и «свой – чужой» влияли на постановку экспериментов и интерпретацию их результатов. Осмысление этого воздействия явилось сутью «борьбы» с евро- и этноцентризмом, дискуссиями о принципах влияния культуры на восприятие (абсолютизм, релятивизм, универсализм), а также в концепциях индигенных психологий.

Литература:

1. Сорока Ю.Г. Социальное восприятие и взаимодействие: к социокультурной концепции восприятия //Методологія теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. У 2-х т. Т.1. - Харків: Видавничий центр Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, 2006.- 448с. - с.23-30
2. Сорока Ю.Г. Трансформация структур восприятия социального мира (на примере русскоязычного кинематографа) // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / Под ред. О.Д. Куценко, С.С. Бабенко.- Х. – 2004.- 308-327
3. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Пер. с англ. под ред. А.Р. Лурия.- М.- 1977, 262с.
4. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007.- 560с.
5. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото.- СПб.: Питер, 2003.- 718с.